

Рабочая газета. — Киев. — 1991. — 23 апр.
К 100-летию со дня рождения С. С. Прокофьева

«...Ваша музыка — как солнце»

Немного найдется композиторов, чью музыку то запрещали и клеймили, то одобряли и восхваляли, то не признавали и игнорировали, то возносили и объявляли гениальной. Сорок лет боролся Сергей Сергеевич Прокофьев за утверждение своей личности, за утверждение нового музыкального стиля. Жажда новых открытий, бушевавшая в нем радостная энергия делали Прокофьева неуязвимым. Убеденный в своей правоте, он непреклонно стремился к вершинам искусства.

Если ехать из Донецка в Мариуполь, то путь непременно пройдет по степным местам, которые еще и сейчас кое-где радуют взор путников. В конце же прошлого столетия бывший Бахмутский уезд Екатеринославской губернии (ныне Донецкая область) был благословенным краем: сотни гектаров нетронутых целинных земель, которые то пестрели красками тысяч полевых цветов, то серебрились седым ковылем. И лишь на горизонте высились небольшие курганы, овеянные тайнствами древних кладов и легенд о былом величии кочевых племен. Здесь, при слиянии двух речушек раскинулось большое украинское село — Сонцовка (ныне с. Красное), в котором в 1891 году 23 апреля в семье управляющего имением и родился будущий классик советского музыкального искусства. Здесь прошло его детство.

Сергею Прокофьеву было пять лет, когда он стал сочинять музыку. Сначала учителем его была мама, потом ему давал уроки композитор Р. Глиэр. В тринадцать лет мальчик был готов к поступлению в консерваторию.

«Вступительный экзамен, — вспоминает С. Прокофьев, — прошел довольно эффектно. Я вошел, сгибаясь под тяжестью двух папок, в которых лежали 4 оперы, 2 сонаты, симфония и довольно много фортепианных пьес».

Прокофьеву повезло: его учителями в Петербургской консерватории были выдающиеся композиторы и музыканты — Н. Римский-Корсаков, А. Лядов, А. Есипова.

В апреле 1914 года Прокофьев в числе пяти сильнейших студентов Петербургской консерватории по классу фортепиано принял участие в выпускном конкурсе. По традиции победитель конкурса получал в награду первоклассный роуль. Сокурсники выбрали для исполнения фортепианные концерты классиков — Листа, Сен-Санса. Прокофьев вопреки советам решил исполнить свой Первый концерт для фортепиано с оркестром.

Экзамен прошел блестяще. Однако мнения педагогов раз-

делились. Одни, хоть и не сомневались в исключительной одаренности Прокофьева, не могли принять новый, «модернистский» стиль сочинения ученика. Другие же (их было большинство) склонились на сторону Прокофьева. Ему была присуждена высшая консерваторская награда — премия имени Антона Рубинштейна.

Победителем вступал Сергей Прокофьев в новую жизнь. И на всем, что он делал, лежал отпечаток исключительной талантливости молодого, ищущего своей дороги в искусстве композитора. Он был полон замыслов, и искания его, казалось, не знали предела. С юности жила в нем мечта — писать для театра.

В 1915 году Прокофьев загорелся идеей — написать оперу по повести Достоевского «Игрок». Многим эта идея показалась нелепой. Проза Достоевского — и музыка! Возможно ли? Прокофьев был уверен, что возможно. Примером служили его любимые оперы Даргомыжского и Мусоргского. В «Игроке» не было арий, не было самостоятельных оркестровых номеров. Композитор подчинил музыку тексту, что, кстати, требовало от актеров высокого мастерства. Это много лет мешало ее постановке на сцене. Впервые опера прозвучала лишь в 1963 году.

Среди крупнейших достижений композитора в эти годы — циклы фортепианных миниатюр, сонаты для фортепиано, концерт для скрипки с оркестром, «Классическая» симфония. В этих произведениях он сумел передать слушателю собственное ощущение жизни, утверждая свой, истинно современный взгляд на мир — взгляд трезвый, немного ироничный и в то же время удивительно чистый и цельный.

В октябре 1917-го Сергей Прокофьев был далек от политики. Он серьезно готовился к большому заграничному гастролем. «Напрасно один мудрый человек говорил: «Вы убегайте от событий, и события не простят вам этого: когда вы вернетесь, вас не будут понимать», — вспоминал композитор. — Я не внял его словам и

7 мая 1918 года отправился в путь».

Вернулся на родину Сергей Сергеевич лишь в начале 30-х годов. Годы, проведенные за границей, были отданы большой концертной деятельностью и интенсивной творческой работе.

Композитор продолжал писать для театра. Его опера «Любовь к трем апельсинам» (по сказке Гоцци) была поставлена сначала в Чикаго, а затем в Ленинграде. Это было веселое, брызжащее остроумием произведение — смесь сказки, шутки и сатиры.

Были и неудачи. Прокофьев попытался расказать в балете «Стальной скок» о Советской стране. Гром и скрежет оркестра должен был передать рывок молодой республики к техническому прогрессу. Но балет не удался и не выдержал испытания временем.

Начало 30-х годов. Мир был встревожен нарастающей угрозой фашизма. Что противопоставить силам разрушения и зла? Композитор останавливает свое внимание на творении великого гуманиста Шекспира, на «Ромео и Джульетте». Он пишет на эту тему балет, и пока спектакль, созданный на основе его музыки, не появился на сцене, три симфонические сюиты на ту же тему. Неожиданная, как всегда, музыка Прокофьева казалась вовсе не приспособленной для танца. Не было в ней обычной балетной мелодичности, традиционного дивертисмента. Ритмы непривычно часто ломались. Артисты не могли представить себе, как танцевать под такую музыку. И все же... Не сразу, но пришло понимание прокофьевской музыки. Балет «Ромео и

Джульетта» с успехом был поставлен сначала в Кировском оперном театре, а затем и в Большом театре в Москве. А Джульетта стала лучшей ролью выдающейся советской балерины Галины Улановой.

Гневным, взволнованным набатом звучал в годы военного лихолетья призыв «Вставайте, люди русские! На славный бой, на смертный бой!» из кантаты «Александр Невский». Мужество и стойкость, героизм советского человека прославляли оперы «Семен Котко», «Повесть о настоящем человеке».

Особое пристрастие испытывал композитор к сказочной тематике: это балеты «Сказка про шута, семерых шутов перешутившего», «Сказ о Каменном цветке», «Золушка», сказка Г. Андерсена «Гадкий утенок» для голоса с фортепиано, всемирно знаменитая симфоническая сказка «Петя и Волк», на чьих образах знакомилась с музыкальными инструментами миллионы ребят.

На зкате жизни, работая над сочинением для молодых радиослушателей, композитор и сам не заметил, как все более и более расширял его рамки, как воспоминание о собственном становлении переросло в душу, о времени, о радости бытия, о любви к жизни и мощи человеческого духа. Обращенное к юной аудитории, сочинение и само дышало молодостью. Было полно сердечной теплоты, юного порыва и мечтательности. Обязательная напевность мелодий, простота, ясность конструкции и образительная конкретность эпизодов поднимали новую, Седьмую симфонию до высот классики.

«Симфонией света и радости жизни» назвал ее Шостакович. «Молодежной» окрестили ее критики. Но, пожалуй, более прав Д. Кабалевский, оценивший Седьмую как произведение, «не только о молодежи, но вообще о молодости, о молодости духа».

Сергей Сергеевич был великий труженик. Он оставил нам такое необъятное наследство, что пройдет немало лет, прежде чем созданная им музыка предстанет перед слушателями во всем своем разнообразии и богатстве.

Восторженный певец жизни, солнца и молодости, он дал людям растреванного, сурового и жестокого XX века ту радость и свет, которых им так часто не достает.

О. СОКОЧ,
музыковед.